

8. Рашковский, Е.Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки) [Электронный ресурс] / Е.Б. Рашковский. – Вопросы философии. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52. – Дата доступа: 05.10.2015.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. : ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

УДК 343.971

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ СЕМЬИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РЕБЕНКА

Е.А. ГУРОВА

(Представлено: канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Неполнота семьи рассматривается в качестве «традиционного» криминогенного фактора. Способность неполноты семьи порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может быть объяснена посредством рассмотрения процесса формирования/деформирования правосознания как структуры личности непосредственно ответственной за выбор преступного способа поведения. Успешное решение данной задачи возможно лишь посредством первоначального выяснения значения полноты родительской семьи для формирования правосознания ребенка.

Исследование семьи на предмет выявления ее способности порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может и должно быть конкретизировано в связи со способностью семьи, выраженной во всей полноте ее жизни, оказывать воздействие на формирование и развитие фундаментальных структур личности ребенка.

Закономерно, что в связи с избранным предметом – преступностью несовершеннолетних – максимально востребованным для объяснения личностным феноменом является правосознание. В связи с этим в настоящей работе будут представлены размышления относительно возможности использования определения понятия «полнота семьи» в связи с формированием правосознания ребенка.

В первую очередь обратимся к уяснению сущности правосознания. Следует заметить, что необходимо вести речь не просто о правосознании, но о нормальном, позитивном правосознании, исключающем возможность совершения правонарушения/преступления.

По мысли И.А. Ильина, выполнившего уникальное по своей глубине и правдивости исследование феномена правосознания, основой нормального правосознания может быть только *воля к духовной жизни как верховному благу*. Нормальное правосознание подходит к праву не с точки зрения частных, чисто личных интересов, но отправляясь прежде всего от его основной, единой и всеобщей *цели*. Нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу [1, с. 236].

Эту волю надлежит понимать не как «решение» одной только сознательно-разумной части души, но как целостное стремление, охватывающее и неразумные тайники ее и в них именно черпающее свою жизненную силу. Такое состояние целостного, гармонического и разумно-оправданного хотения, направленного на верховное и универсальное благо, является само по себе одним из высших достижений в нравственной жизни человека. А это означает, что нормальное правосознание может быть развито и упорочено в душе только в связи с ее общим, моральным и нравственным воспитанием [2, с. 237].

Сущность родительского (семейного) воспитания как целенаправленной деятельности состоит в создании родителями условий для самостоятельного и творческого усвоения ребенком истин духовной жизни, составляющих основы здорового правосознания. Однако по сути воспитательным характером обладает вся семейная атмосфера, которая непосредственно действует на ребенка.

Условия развития нормального правосознания, то есть свойства семейной жизни, которые максимально способствуют инициации самостоятельного процесса формирования убежденности ребенка в истинности (необходимости, неизбежности, верности и т.д. следования требованиям права, любви к праву и правомерного поведения) вполне могут быть смоделированы. Однако перед осуществлением этого интеллектуального мероприятия необходимо сделать ряд отступлений, вызванных актуальным состоянием социального института семьи.

Как представляется, проблема состоит в том, что современная семья, в связи с переживаемыми ею трансформациями, не вполне приспособлена для формирования нормального, здорового правосознания. Современная семья, ее идеал, видится как семья эгалитарная [3]. В такой семье дети уходят на второй план, они могут рассматриваться как нечто избыточное, так как семья рассматривается в качестве одной из форм самореализации мужчины и женщины, то есть как субъективно ориентированное функциональное образование. Необходимость отца и матери связываются современными психологами и социологами

преимущественно с закономерностями формирования представлений о социальных ролях мужчины и женщины. При этом отец и мать рассматриваются отдельно друг от друга – как некие функции.

По нашему мнению, риторика такого рода вызвана общей тенденцией цивилизованного мира (западного и прозападного) отказываться от признания семьи как формы отношений определенности. Эта тенденция проявляется преимущественно в расширении форм допустимых половых отношений (что напрямую связано с отказом от объективных признаков пола). Иначе говоря, современная семья может быть любой. То есть семья – это все, что угодно.

Однако одновременно весьма ощутимой является противоположная тенденция – увеличение степени формализации прав ребенка и соответственно увеличение внимания к их соблюдению в условиях семьи (родителями). Соответственно, предъявляются жесткие требования к содержанию этих отношений. Права ребенка отнесены к публичной сфере и в этом смысле семейная жизнь все более приобретает свойства публичности.

В условиях развивающегося противоречия возникает парадоксальная ситуация – одновременное существование множества моделей семьи, многие из которых находятся в состоянии логического противоречия.

Однако теперь нам необходимо вспомнить, что настоящее исследование является правовым, то есть исходит из признания права в качестве социального института, то есть ценностно-нормативного образования, обеспечивающего фундамент общества. И потому при всем многообразии форм семейных отношений, все они не могут явиться основой для настоящего исследования, но лишь та, которая адекватна, единоприродна нормальному правосознанию. При всей возможной вариативности форм сожительства, при произведении правового исследования надлежит ориентироваться на те, которые основаны на инвариантном в личности. Таковой является традиционная семья, то есть семья, основанная на христианской традиции, предполагающая обязательность отца и матери и заданное содержание семейных отношений. Как замечает И.А. Ильин: «Ибо в браке и семье человек учится от природы – любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы естественною школою христианской любви, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей». В этой связи уместным также будет привести мысль, высказанную С.С. Аверинцевым: «Благословенная трудность семьи – в том, что это место, где каждый из нас неслышанно близко подходит к самому важному персонажу нашей жизни – к Другому» [4]. Именно к такому ключу надлежит понимать сущность семьи – к признанию человека главным персонажем жизни и главным ориентиром формирования позитивного правосознания.

Под полнотой семьи в настоящей работе будет пониматься воплощенная взаимодополнительность, выраженная в единении материнства и отцовства как родительства. Так, психологи отмечают, что в полной семье мать выполняет функцию эмоционального фона семьи, создает теплую семейную атмосферу близости, доверительности и понимания. А отец в большей мере представляет функцию нормативного контроля, создает систему оценок, осуществляет регуляцию поведения [5, с. 240]. Таким образом, можно убедиться в том, что отец и мать, образуя целостность, представляют для ребенка всю полноту человеческого существа, первобытную, но при этом полнейшую картину мироздания – народа, государства, человечества.

Исследования И.А. Ильина, его понимание правосознания, исходят из того же основания, которое порождает традиционную семью. Для традиционной семьи характерны такие качества как четкая определенность мужского и женского предназначения, их заданность, иерархичность, авторитет родителей, верность, судьбоносность, духовные основания. Такими же качествами обладает и нормальное правосознание.

Также необходимо признать, что семья есть целое, органическая группа и таким же образом воспринимается, ощущается ребенком (как целое, неотъемлемой частью которого осознает себя ребенок). Потому без феноменологии семьи и феноменологии правосознания при верном решении проблемы правосознания не обойтись. Семья формирует основы ценностного сознания. Именно потому семью возможно назвать «очагом духовности», школой социальной жизни, первичной формой духовного единения.

В основе нормального, здорового правосознания лежит верное понимание *единства* – семьи, народа. Из семьи вырастает чувство взаимосвязанности всех людей. То есть у ребенка, познавшего в семье сущность *единства всех людей при всем их разнообразии* (максимально интенсивной формой которого является половая принадлежность), разовьется нормальное, здоровое правосознание.

Весьма важным моментом семьи и правосознания является *верность*. Верность есть проявление такого отношения к другим людям, которое состоит в признании их уникальности и безусловного достоинства. Верность же в отношении члена семьи является одновременно и верностью самой семье как единству людей.

Иным моментом семьи является *судьбоносность*. Так, ребенок приходит в уже созданную семью, которая является для него данностью, ведь родительской семьи он не создавал. Отец и мать образуют для ребенка как бы предустановленную для него судьбу. Он не может этого изменить, ему остается лишь

принять и нести всю жизнь. Признание права, законов общественной жизни также связано с судьбоносностью и требует отказа от произвола. В связи с этим следует заметить, что развод родителей, вообще возможность развода родителей разрушает в ребенке нечто фундаментальное.

Правосознание также предполагает признание авторитета права, уважение к нему. И семья учит ребенка верному восприятию *авторитета*. В лице естественного авторитета отца и матери ребенок встречается с идеей ранга и учится воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь; и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения; и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека [6].

Семья есть духовное единение, так как порождает чувство *взаимной духовной принадлежности*. Последнее является основой здоровой гражданственности и патриотизма.

В здоровой семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий – авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благой силой и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти и начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе [6]. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

Семья есть первая, естественная школа *свободы*. В ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся суровости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания [6].

Суждением, которое предлагается в качестве вывода представленной работы, является следующим: полнота семьи является воплощением полноты человеческого существа и стимулирует полноту развития правосознания. Иначе говоря, полнота семьи способствует развитию нормального, позитивного, здорового правосознания ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, И.А. Собрание сочинений : в 10 т. / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 236.
2. Там же. – С. 237.
10. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/rr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
3. Аверинцев, С.С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/brak-i-semya-nesvoevremennyy-opyt-xristianskogo-vzglyada-na-veshi/>. – Дата доступа: 01.10.2015.
4. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
5. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Ильин И.А. // Путь к очевидности. – М. : Республика, 1993. – 431 с.

УДК 343.632

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. КАШПОРОВА
(Представлено: Т.И. РЕМНЁВА)

Рассматриваются элементы состава преступления, предусмотренного статьей 189 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Затронуты некоторые проблемы понятийного аппарата. Приводится пример декриминализации оскорбления в Российской Федерации. Делается вывод о необходимости существования уголовной ответственности за оскорбление.